

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чилингарян К.П. Проблематика теории референции знаков в современной лингвистике // Litera. 2024. № 6.
DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.71111 EDN: HCKBAY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71111

Проблематика теории референции знаков в современной лингвистике

Чилингарян Камо Павлович

ORCID: 0000-0002-3863-8603

доцент; кафедра иностранных языков Высшей Школы Управления; Российский Университет дружбы народов им. П.Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, оф. 707

✉ chilingaryan_kp@pfur.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.71111

EDN:

HCKBAY

Дата направления статьи в редакцию:

20-06-2024

Дата публикации:

27-06-2024

Аннотация: Предметом исследования является история развития и современное состояние теории референции, которое отражает разнообразие подходов и концепций. Некоторые исследователи считают, что референция является чисто семантическим явлением, другие подчеркивают важность контекста и прагматики для понимания референциальности. Также активно исследуется вопрос о влиянии культурных и социальных факторов на референцию в различных языках. История развития теории референции началась с работ Готлоба Фреге и Бертрана Рассела в начале XX века. Фреге ввел понятие семантической референции, утверждая, что каждое слово имеет свой собственный референт в мире. Рассел развил эту идею, предложив теорию дескрипций, согласно которой слова указывают на объекты путем описания их характеристик. В дальнейшем развитии теории референции важную роль сыграли работы Людвига Витгенштейна и Дональда Девидсона. Витгенштейн предложил концепцию

языковых игр, утверждая, что референция зависит от контекста и использования слова в определенной ситуации. Девидсон разработал теорию истинности, согласно которой референция определяется через связь между языком и миром. Прагматические и когнитивные аспекты методологии исследования важны для успешного проведения научных исследований. Референциальность знаков играет ключевую роль в этом процессе, обеспечивая эффективное представление и коммуникацию результатов исследования. Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении классических работ философов, семиотиков и лингвистов, в т. ч. Платона, Аристотеля, Чарльза Пирса, Фердинанда де Соссюра и Умберто Эко, на теорию референции. Одним из ключевых понятий в изучении знаковых систем является референциальность. Референциальность позволяет связывать слова с конкретными объектами и понимать их значение. Одним из самых актуальных направлений исследований в области референции является изучение способов взаимодействия языковых единиц с контекстом и ситуацией общения. Это позволяет более глубоко понять процессы обозначения и интерпретации в языке, а также разработать новые теоретические модели, объясняющие эти процессы. Таким образом, научная новизна в исследовании референциальности знаков продолжает оставаться актуальной и важной для развития лингвистики и смежных дисциплин. Вклад автора в этой области может привести к новым открытиям и пониманию механизмов языковой коммуникации.

Ключевые слова:

конвенциональные знаки, прототипические слова, естественные знаки, знаковые отношения, референциальность, иконизм, конвенционализм, символ, индексальность знаков, интерпретант

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематического анализа развития теории референции, которая является одной из ключевых проблем в философии языка и семиотике, а также тем, что теория референции и проблематика взаимоотношения знаков играет важную роль в понимании процессов коммуникации и возможностей познания в современном обществе. Теория референции позволяет анализировать, как мы используем знаки для обозначения объектов и явлений реального мира. Референциальность — это ключевое понятие в лингвистике, которое описывает способность слов или выражений указывать на объекты в реальном мире. Теория референции изучает, каким образом язык связывает слова с их референтами и как это влияет на понимание текста.

Один из **методов исследования** историко-философский анализ, который позволяет проследить развитие теории референции от её истоков до современных взглядов.

Предметом исследования является история развития и современное состояние теории референции, которое отражает разнообразие подходов и концепций. Некоторые исследователи считают, что референция является чисто семантическим явлением, другие подчеркивают важность контекста и прагматики для понимания референциальности. Также активно исследуется вопрос о влиянии культурных и социальных факторов на референцию в различных языках. История развития теории референции началась с работ Готлоба Фреге и Бертрана Рассела в начале XX века. Фреге ввел понятие семантической референции, утверждая, что каждое слово имеет

свой собственный референт в мире. Рассел развил эту идею, предложив теорию дескрипций, согласно которой слова указывают на объекты путем описания их характеристик.

В дальнейшем развитии теории референции важную роль сыграли работы Людвига Витгенштейна и Дональда Девидсона. Витгенштейн предложил концепцию языковых игр, утверждая, что референция зависит от контекста и использования слова в определенной ситуации. Девидсон разработал теорию истинности, согласно которой референция определяется через связь между языком и миром.

Материалом исследования послужили работы Платон. Кратил, Умберто Эко, Gombrich E. (1960), Lyons, John (1977), Круткин В. Л. (2006), Жак Деррида, Борхес Хорхе (1992), Клод Леви-Стросс (1987).

Теоретическую базу исследования составляют работы таких ученых и философов как Чарльз Пирс, Ф. де Соссюр, Gombrich E. (1960), Р. Джекендофф (1976), Ж. Бодрияр, Аристотель, Августин Аврелий, Чарльз Пирс, Фердинанд де Соссюр, Рей Джекендофф (1976), William James (1890), Ролан Барт, Жан Бодрияр.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов для дальнейшего изучения теории референции, а также для разработки новых подходов к анализу процессов коммуникации и познания.

Обсуждение и результаты

С точки зрения отношения между знаковым средством и референтом, традиционное дуалистическое различие между "конвенциональными знаками" (именами, которые мы даем людям и вещам) и "естественными знаками" восходит к Древней Греции (Платон "Кратил") [1]. Аристотель [2] рассматривает слова как прототипические примеры условных знаков. Августин Аврелий [3] в 397 году н.э. отличает "естественные знаки" (*signa naturalia*) от обычных знаков (*signa data*, "данные знаки") на том основании, что естественные знаки лишены интенциональности и интерпретируются как знаки в силу непосредственной связи с тем, что они обозначают (он приводит в пример дым, указывающий на огонь, и следы, указывающие на то, что мимо прошло животное). И "естественные", и "конвенциональные" знаки фигурируют в трехсторонней классификации Чарльза Пирса [4].

Проблематика теории референции знаков в работах Пирса

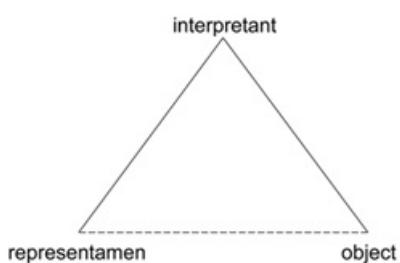

Рисунок 1. Модель семиотического треугольника Ч. Пирса

То, что Пирс считает "самым фундаментальным" делением знаков было очень влиятельным. Хотя его часто неправильно интерпретируют как классификацию различных "типов знаков", оно относится к различным интерпретационным отношениям между знаковым средством и его референтом. В то время как соссюровские "знаковые отношения" существуют между означающим и означаемым (и являются внутренними для

языковой системы), в модели Пирса понятие является референциальным.

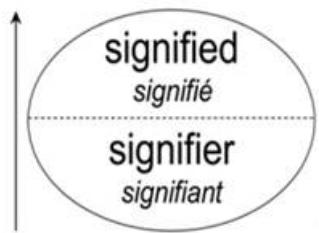

Рисунок 2. Диадическая модель знака по Ф. де Соссюру

Три различных отношения по Ч. Пирсу:

Символические: основаны на отношениях, которые в основе своей немотивированы, произвольны или чисто конвенциональны, так что их необходимо согласовывать и изучать. Это, например, язык в целом (плюс конкретные языки, буквы алфавита, знаки препинания, слова, фразы и предложения), цифры, азбука Морзе, светофоры, национальные флаги.

Иконические: основанные на воспринимаемом сходстве или подражании (включающие некоторые узнаваемо похожие качества, такие как внешний вид, звук, чувство, вкус или запах) - например, портрет, масштабная модель, метафоры, звуковые эффекты в каком-нибудь подкасте, дублированный саундтрек фильма, подражательные жесты.

Индексальные: основаны на прямой связи (физической или причинной). Эта связь может быть наблюдаема или выводима - например, "естественные признаки" (дым, гром, следы, эхо, несинтетические запахи и ароматы), медицинские симптомы, измерительные приборы (флюгер, термометр, часы, спиртовой уровень), записи (фотография, кино-, видео- или телесъемка, голос, записанный на аудионоситель), личные "торговые марки" (почерк, фразы).

Эти три устоявшиеся формы отношений между репрезентантом и объектом составляют часть триадической модели знака Пирса. Для Пирса знаковость — это трехсторонняя связь (требующая интерпретатора), а не просто двухсторонняя связь "знак-объект". Ничто по своей сути не является символом, иконой или указателем. Одно и то же знаковое средство в разных контекстах может включать в себя разные знаковые отношения.

Восстановление связи знака и реальности

Интересны воззрения Умберто Эко^[5, 6]. На Эко оказал большое влияние Пирс, но он критикует референциальный реализм Пирса и, как и Соссюр^[7], исключает референциальность из своей собственной коммуникативной "теории кодов". Для Эко "предположение, что "значение" знака-вещи имеет какое-то отношение к соответствующему объекту" является "референциальным заблуждением".

Реальный объект, соответствующий знаку, абсолютно не имеет отношения к какой-либо семиотической цели. Он добавляет, что "референт знака — это ... абстрактная сущность, которая к тому же является лишь культурной конвенцией". Референт — это культурный мир. Что касается "иконизма", Эко настаивает на том, что само восприятие закодировано, как и отношение "сходства" между изображением и его референтом. Что касается индексов (или указателей), то "конвенциональные" корреляции выводятся из повторяющегося опыта ассоциирования индекса с его объектом. Эко является

конвенционалистом, рассматривая все знаки как конвенциально закодированные, а значения как "культурные единицы", которые вместе образуют семантическую вселенную. Поэтому он предпочитает "игнорировать разницу между мотивированными и произвольными знаками".

Знаковые отношения обычно ранжируются по степени условности или мотивации: преимущественно символические формы, такие как язык, в высшей степени условны или "немотивированы"; иконические формы всегда предполагают некоторую степень условности; индексальные формы "направляют внимание на свои объекты слепым принуждением". Индексальные и иконические знаковые средства можно рассматривать как ограниченные своими референтами. В рамках каждой формы конкретные знаки также различаются по степени конвенциональности или мотивированности. Такие характеристики влияют на их интерпретацию. Например, широко утверждается, что в то время, как символические и (в меньшей степени) иконические знаки требуют "декодирования" (по выражению структуралистов), индексальные знаки не являются частью системы знаков и зависят в основном от умозаключения. Наложения между этими тремя формами знаковых отношений подчеркивают тот факт, что конвенциональная, закодированная символика не может быть аккуратно отделена от других форм знаковых отношений.

Язык — это (преимущественно) символическая знаковая система, и он широко рассматривается как преимущественная символическая форма. Пирс заявляет, что "все слова, предложения, книги и другие обычные знаки являются символами", и мы будем следовать его использованию здесь. Соссюр [\[8\]](#) избегает называть лингвистические знаки "символами" из-за опасности путаницы с популярным употреблением, в котором символы никогда не бывают полностью произвольными, демонстрируя остатки "естественной связи" с тем, что они обозначают. Таким образом, важно помнить, что литературные, религиозные, мифические и геральдические "символы" не являются чисто символическими в семиотическом смысле.

Как утверждают К. Чилингарян и Д. Чистяков [\[9\]](#), для Соссюра не существует внутренней, прямой или самоочевидной связи между языковым означающим и означаемым (понятием, а не внеязыковым референтом). Отношения между ними — это внутренние связи внутри лингвистической системы. Связи между словами и идеями не имеют естественной основы. Принцип произвольности означает, что связь между знаком и его значением не является естественной или неизбежной. Например, слово "стол" на русском языке обозначает предмет, на котором можно поставить что-то, но нет никакой логической связи между звуками "ст", "о" и "л" и самим предметом. Это слово является "немотивированным" знаком, так как его значение не вытекает из его звуковой формы.

Пирс отмечает, что символы (которые он тогда называл "маркерами") "по большей части условны или произвольны". Произвольность относится здесь, конечно, к отношению знак-объект. Символ — это знак, "чья особая значимость или пригодность представлять именно то, что он представляет, заключается не в чем ином, как в самом факте существования привычки, предрасположенности или другого эффективного общего правила, согласно которому он будет интерпретироваться именно так. Возьмем, к примеру, слово "человек". Эти буквы нисколько не похожи на человека; не похож и звук, с которым они ассоциируются". В другом месте Пирс добавляет, что "символ выполняет свою функцию независимо от любого сходства или аналогии со своим объектом и в равной степени независимо от любой фактической связи с ним". Отсутствие зависимости от сходства или прямой связи способствует силе и гибкости символов в этом

смысле.

"Символ связан со своим объектом в силу идеи использующего символ разума, без которой такой связи не существовало бы". Он "становится знаком только или главным образом благодаря тому факту, что его используют и понимают как таковой". Символические знаки обычно понимаются как предназначенные для передачи чего-либо. Их предполагаемые значения не являются интуитивно очевидными: понимание символовических знаков полностью зависит от нашего знакомства с соответствующими конвенциями (без которых они могут не обозначать или быть неправильно истолкованы). Мы воспринимаем символы в соответствии с "привычной связью", "правилом" или "законом, обычно ассоциацией общих идей, который действует так, что символ интерпретируется как относящийся к данному объекту". Следовательно, символ должен существовать в "постоянных связях, посредством которых он связан с чем-то иным, чем он сам".

В то время как произвольность считается ключевой "конструктивной особенностью" языка, смещение является другим ключевым свойством, которое позволяет использовать лингвистические знаки для представления объектов в их физическом отсутствии, включая сущности, существующие только в нашем воображении. Таким образом, значение действительно общих символов может выходить за рамки конкретных контекстов ("здесь и сейчас", к которым прикованы другие животные). Это резко отличается от индексальных знаков (что соответствует различию между семантическим и прагматическим значением). Такие качества позволяют символам быть хорошими средствами мышления. Символический способ наиболее эффективен при передаче абстрактных понятий и родов. Пирс отмечает, что "подлинный символ — это символ, имеющий общее значение", обозначающий скорее вид вещи, чем конкретную вещь. Лингвистические категории выполняют эту ключевую функцию. Хотя то, что мы называем реальностью, слишком богато и разнообразно, чтобы быть воспроизведимым по желанию, символы можно изучать и вспоминать в удивительной степени".

Символы широко рассматриваются семиотиками как наилучший пример слов, но они не ограничиваются этой формой. Они включают в себя любые условные знаки, обозначающие понятия, и любая форма означающего имеет потенциал для символического использования. Изображения могут обрести некоторый символический статус слов, хотя их объем и гибкость ограничены. Изображения не могут "походить" на референты абстрактных идей. Концепции не поддаются прямому изображению. Однако изображения могут быть использованы символически для представления объектов, связанных с абстрактными понятиями. Так, знакомый идеографический символ сердца используется для обозначения таких абстракций, как любовь, романтика, эмоции или здоровье. В Интернете простые изображения, похожие на дом, обозначающие ссылку на домашнюю страницу сайта, в первую очередь символичны: они не похожи на конкретный дом, но условно обозначают понятие "дом". В некоторых контекстах изображение льва может функционировать как метафорический символ абстрактных понятий, таких как сила или храбрость (которые, конечно, являются традиционными ассоциациями, а не зоологическими особенностями львов).

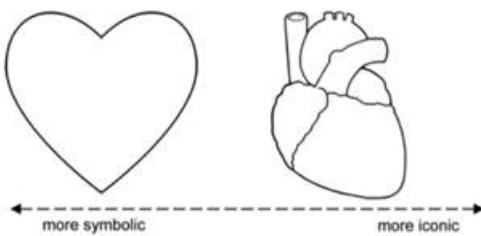

Рисунок 3. Символическое и иконическое изображение объекта

Когда изображения имеют устоявшееся общепринятое значение, они функционируют как иконические символы. Общественные вывески часто зависят от визуальных символов, которые предназначены для достижения общей референтности (в рамках ограниченного круга дискурса) и обеспечения авторитета. Например, в знаке "Вход с собаками запрещен" простое, схематичное изображение прототипа собаки, скорее всего, будет более эффективным общим символом, чем изображение конкретного вида собаки - хотя, в отличие от слова "собака", любое изображение собаки неизбежно напоминает некоторые виды собак больше, чем другие. Даже фотография может иметь символическую функцию (в соответствующем контексте), как, например, когда изображения монет используются для обозначения "экономики", когда это является темой телевизионных новостей.

Символические формы часто более косвенны. Только контекст и условия могут определить, предназначен ли знак с общим изображением мужской фигуры для обозначения людей в целом (как на знаке "Вход воспрещен") или только мужчин (как на двери туалета). В случае с дорожным знаком, где простое схематичное изображение оленя на указателе указывает на опасность диких животных, знак можно назвать индексально-символическим, поскольку олень является частью животного мира в целом и обозначает его.

Традиционная основа иконических знаково-объектных отношений заключается в сходстве. В семиотике иконы не обязательно являются визуальными, они могут включать в себя любой сенсорный способ. Тем не менее, фотографии широко цитируются в качестве ярких примеров иконичности. Необходимым свойством репрезентативной картины (например, портрета) является то, что она воспринимается как достаточно похожая на то, что на ней изображено, чтобы этот объект был узнан. Однако, начиная с Платона, философы отмечали, что все похоже на все остальное различными способами, имея множество общих свойств. Картины можно рассматривать как визуально похожие на свои объекты в бесчисленных отношениях (и в то же время заметно непохожие на них в других отношениях - например, они обычно плоские и обрамленные, свойства, которые больше всего напоминают свойства других картин). Хотя наиболее значимым изобразительным свойством часто считается форма контура, это не всегда так, например, при изображении неба, моря, облаков, дыма и так далее. Сходство не является отличительной чертой изобразительного представления, как это часто предполагается; оно не является достаточным условием, как в традиционных теориях сходства. Как и другие суждения, сходство зависит от контекста и системы отсчета.

Тем не менее, по крайней мере со времен древних греков, сходство обычно рассматривается как "естественная" основа изображения в отличие от условности слов. Иконические формы не привлекают нашего внимания к своему посредничеству, кажутся более прямыми и прозрачными, чем символические формы. Эрнст Гомбрих [\[10\]](#) говорит о "способности зрителя читать "иконичность" в знаке, "видя" референт в знаковом средстве - даже в таком весьма условном иконическом символе, как сердце на

игральной карте, которое имеет очень мало анатомического отношения к человеческому сердцу. Мы обычно недооцениваем важность нашего активного вклада в формирование смысла, но образы, в частности, обычно не нуждаются в "чтении" вообще.

Хотя иконические знаки часто определяются как естественные и противопоставляются конвенциональным, Пирс рассматривает иконические знаки как мотивированные и конвенциональные. Хотя "любой материальный образ" (например, картина) может восприниматься как похожий на то, что он изображает, он "в значительной степени конвенционален в своем способе представления".

Ч. Пирс говорит, что портрет человека, которого мы не видели, убедителен. До тех пор, пока на основании только того, что мы видим на нем, можем составить представление о человеке, которого он изображает, это икона. Но, на самом деле, это не чистая икона, потому что на нас сильно влияет знание того, что это эффект, вызванный внешностью оригинала через художника.

Тем не менее, Пирс утверждает, что "каждая картина (каким бы традиционным ни был ее метод)" является иконой. Для большинства семиотиков изображения не являются такими же конвенциональными, как лингвистические знаки. Однако многие структуралисты согласны с тем, что референция опосредуется не только сходством, но и репрезентативными конвенциями. Действительно, было высказано предположение, что иконические знаки напоминают не свои референты, а конвенциональные репрезентации этих референтов в рамках культуры. Хотя Эко утверждает, что то, на что похож иконический образ, является его ментальной репрезентацией, позже он предлагает влиятельную критику "иконичности" с конвенционалистской точки зрения.

Иконичность — это "вопрос степени". Каким бы "естественным" ни казалось сходство, изображения похожи на то, что они представляют, только в некоторых отношениях. То, что мы склонны распознавать в изображении, — это аналогичные отношения частей к целому: как в диаграмме. Даже самое "реалистичное" изображение не является копией или даже копией того, что на нем изображено. Не так уж часто мы принимаем изображение за то, что оно представляет. Конечно, картинки часто используются (как в подобных книгах) для иллюстрации того, о чем идет речь. Однако, в отличие от указателя, "икона не имеет динамической связи с объектом, который она представляет" и, следовательно, "не дает никакой гарантии, что такой объект, который она представляет, действительно существует". Иконичность не является объективным отношением между знаком и объектом: сходство находится в глазах (или, скорее, в сознании) смотрящего.

По мнению искусствоведов, картины не обязательно обозначают то, что они изображают (или отсылают к тому, на что они похожи): они могут быть как "символическими", так и иконическими. Однако, поскольку абстракции не поддаются прямому изображению, "иконический язык" имеет очень ограниченные репрезентативные возможности (как, например, высоко конвенционализированные пиктографические знаки). Лингвист Джон Лайонс [\[11\]](#) отмечает, что иконичность зависит от возможностей носителя. В то время как фонические средства могут представлять характерные звуки (хотя и относительно условно), графические средства могут представлять характерные формы (как в случае с египетскими иероглифами). Иконические жесты, которые "удивительно похожи между языками", очень эффективны для передачи форм, местоположения и движения. В языках жестов для глухих иконические знаки имеют такое же преимущество перед разговорными языками.

Категория индексальных знаков у Пирса включает в себя то, что с древних времен считалось "естественными знаками". Августин Аврелий [3], считающий и слова, и изображения условными знаками, выделяет из них в качестве естественных знаков "те, которые, помимо намерения или желания использовать их в качестве знаков, все же ведут к познанию чего-то другого, как, например, дым, когда он указывает на огонь".

В отличие от иконических и символических знаков, индексальные знаки не представляют и не символизируют вещи. Хотя темные облака часто интерпретируются как знак скорого дождя, они не означают дождь (в смысле отражения какого-то намерения). Нет ничего условного или произвольного в том, что кучево-дождевые облака являются признаком грозы. Они также не обозначают дождь иконически, уподобляясь ему или сходству атрибутов. Однако они обозначают нечто иное, чем они сами, когда мы делаем вывод, что они указывают на приближающуюся грозу.

В отличие от символических и иконических знаков, природные знаки сами по себе не являются частью интерпретационной системы (хотя, тем не менее, они могут нуждаться в интерпретации в соответствии с конвенциями, как, например, прогнозы погоды). Конечно, естественные знаки, которые являются непосредственно референтными, не имеют места в соцкультурской модели.

По Пирсу, индекс "указывает" на что-то: например, "солнечные часы или часы указывают на время суток". Индекс осуществляет реальную физиологическую силу над вниманием и направляет его на определенный объект". Указательные знаки "направляют внимание на свои объекты путем слепого принуждения". Индекс обычно указывает в сторону от себя, но в некоторых случаях он указывает на себя (как в случае с этим самореферентным предложением).

Выбор Пирсом "указующего перста" (по-английски "указательный палец" - index finger) в качестве прототипического примера индексального класса может быть немного ошибочным, поскольку, в отличие от естественных знаков, человеческий акт указания является также и символическим знаком. Конечно, указательные жесты имеют индексальное измерение, хотя путешественники с лингвистическими проблемами могут подтвердить их ограниченную полезность как формы коммуникации.

Как и другие отношения знаков, индексальность требует интерпретации. Неградуированный термометр будет малополезен, и даже градуированный требует знакомства с соответствующими конвенциями - если вы привыкли к Цельсию, то 98 по Фаренгейту — это много или мало?

Тем не менее, индексальные отношения предлагают наиболее прямую связь с референтом, что сильно контрастирует с символическими отношениями. Индексальный знак является симптомом положения дел. Индексальность проявляется во многих формах. Дорожные знаки демонстрируют индексальность, когда они обозначают соответствующее местоположение (например, знак перекрестка на перекрестке), когда они указывают непосредственно на то, к чему они относятся (указатели направления), или когда они изображают что-то тесно связанное с тем, что они обозначают (изображение столовых приборов, указывающее на близлежащие столовые).

Хотя фотографии воспринимаются как иконические (визуально напоминающие свои объекты), Пирс отмечает, что они также являются индексальными (что заставляет некоторых называть их иконическими индексами). Фотографии, особенно моментальные, очень поучительны, поскольку мы знаем, что в некоторых отношениях они в точности

похожи на объекты, которые они изображают.

По словам В. Круткин [12], для социолога Пьера Бурдье, "фотография обычно рассматривается как наиболее точное воспроизведение реального". Фотографические средства массовой информации, по-видимому, предполагают прозрачные отношения между знаковым средством и его референтом. Фотография основана на прямой причинно-следственной связи с внешним объектом. Из трех типов отношений, на которых основаны знаки, только индексальность может служить доказательством существования объекта. Пирс отмечает, что "фотография благодаря своей оптической связи с объектом, является доказательством того, что этот вид соответствует реальности". Во многих контекстах фотографии рассматриваются как доказательство того, что события произошли в момент их съемки, не в последнюю очередь в юридических контекстах: камеры видеонаблюдения и камеры контроля скорости, конечно, широко используются в этом качестве. Индексальная природа фотографии - причинная связь между дофотографическим референтом и знаком... ничего не может гарантировать на уровне значения". Еще до появления цифровой фотографии практиковались и "коррекция", и монтаж, но некоторые исследователи фотографии утверждают, что каждая фотография содержит "значительные искажения". Подобно тому, как изображения похожи на то, что они представляют, лишь в некоторых отношениях, в фотографии все, что показано, неизбежно превращается в плоский, деконтекстуализированный фрагмент, который обычно гораздо меньше по масштабу и (за исключением фильмов) неподвижен и безмолвен.

Как носитель информации, фотография в первую очередь индексальна; как "сообщение" (которое зависит от того, как фотография используется или интерпретируется), эта знаковая связь может не быть доминирующей. Как и все "фотографии, изменившие мир", знаменитая фотография Джо Розенталя 1945 года "Поднятие флага на Иводзиме" ("иконическая" в популярном смысле) в семиотическом смысле является прежде всего символической. Пирс утверждает, что все индексы относятся к единичным экземплярам (например, "этот человек"), тогда как символическое представление может относиться к общим классам экземпляров (например, "мужчины"). Несмотря на их буквальную специфику (что делает их непригодными для дорожных знаков), фотографии могут использоваться для обозначения общих классов. В рамках жанра рекламы сила знаменитой фотографической "ковбойской" рекламы сигарет Marlboro проистекает не столько из их индексальности как изображений конкретных людей, сколько из их символизации стереотипной концепции мужественности (даже в той степени, в которой нам, возможно, придется напоминать себе, что это не "мужественность", потому что форма функционирует, чтобы предполагать обратное).

Как уже отмечалось, Соссюр рассматривает и означающее, и означаемое как нематериальные, психологические формы; сам язык – это форма, а не субстанция. Для подтверждения своей точки зрения он использует несколько примеров. Например, в одной из нескольких шахматных аналогий он отмечает, что использование шахматных фигур из слоновой кости вместо деревянных никак не влияет на систему. Аналогично, он спрашивает, почему улица, которая полностью перестроена, может оставаться "той же самой улицей". Соссюр предполагает, что это происходит потому, что улица не является чисто материальной вещью, хотя он настаивает на том, что это не означает, что такие сущности "абстрактны", поскольку мы не можем представить себе улицу или поезд вне их материальной реализации.

Поскольку Соссюр рассматривает язык в терминах формальной функции, а не

материальной субстанции, все, что выполняет ту же функцию в системе, может рассматриваться как просто другая лексема того же типа. Соссюр отмечает, что звук — это не часть языка, а просто субстанция, которую язык использует. Он исходит из того, что средства, с помощью которых производится знак, не имеют значения, поскольку они не влияют на систему.

Пирс же признавал материальность знака: "Поскольку знак не тождественен обозначаемому, но отличается от него в некоторых отношениях, он должен обладать некоторыми свойствами, которые принадлежат ему самому по себе. Это и есть материальные качества знака". Тем не менее, материальность не имеет "никакого отношения к репрезентативной функции" и не фигурирует в его классификационных схемах.

Хотя Соссюр не считал материальность языкового знака релевантной для своей системы, большинство последующих теоретиков, принявших или адаптировавших его модель, решили вернуть материальность знаку. Современные теоретики "социальной семиотики" обычно утверждают, что материальная форма знака может генерировать собственные значения. Например, теоретики структурализма преобразовали соссюровскую модель знака, установив четкое различие между формой и значением, означающим и означаемым, которое Соссюр решительно отвергал. Структурализм утвердил "примат означающего".

Психоаналитическая теория также внесла свой вклад в переоценку означающего - во фрейдистской теории сновидений звук означающего мог рассматриваться как лучший проводник к его возможному означаемому, чем это можно было бы предположить при традиционной "расшифровке". Например, Фрейд сообщает, что в сновидении молодой женщины, собирающейся выйти замуж, были цветы - в том числе ландыши и фиалки. Согласно популярному символизму, лилии были символом целомудрия, и женщина согласилась, что они ассоциируются у нее с чистотой. Однако Фрейд был удивлен, обнаружив, что слово "фиалка" (violet) фонетически ассоциируется у нее с английским словом "violate", что говорит о ее страхе перед насилием.

Теоретики постструктурализма, хотя и подвергались широкой критике как идеалисты и релятивисты, также стремились переоценить знак. От Платона до Леви-Страсса устное слово занимало привилегированное положение в западном мировоззрении, создавая иллюзию абсолютного присутствия и прозрачности смысла. Речь стала настолько естественной, что "не только означающее и означаемое как бы объединяются, но и в этой путанице означающее как бы стирает себя или становится прозрачным". Письму традиционно отводилось второстепенное место.

Деконструкция Жака Деррида^[13] ознаменовала "возвращение репрессированного". Стремясь создать "грамматологию" или исследование текстуальности, Деррида отстаивает примат материального слова. Он отмечает, что специфика слов сама по себе является материальным аспектом. Материальность слова не может быть переведена или перенесена на другой язык. Материальность — это как раз то, чего лишен перевод". Несмотря на характерную для постмодернизма иронию в такой позиции теоретика, которого многие считают крайним идеалистом, идеи Деррида легли в основу взглядов других теоретиков, стремившихся "рематериализовать" языковой знак, подчеркивая, что слова и тексты — это вещи. Однако следует отметить, что обвинение Деррида в феноцентризме, выдвинутое против Соссюра, не учитывает мотивацию Соссюра, который реагировал против существующего приоритета письменного языка, и что в этом историческом контексте его радикальной целью было утвердить разговорный язык не

просто как деформированную форму письменного языка, но как достойный изучения сам по себе.

Материальные объекты могут сами по себе функционировать непосредственно как знаки, не только в виде "символов статуса" (таких как дорогие автомобили), но и как часть репертуара знаков, на которые люди опираются при развитии и поддержании чувства личной и социальной идентичности. Люди придают "символические значения" телевизорам, мебели и смартфонам, которые не определяются утилитарными функциями таких обыденных предметов. Основа для такого мышления уже была заложена в рамках структурализма.

Заключение

Знак как таковой, возможно, не является материальной сущностью, но у него есть материальное измерение - знаковое средство. "Фундаментальным для всего семиотического анализа является тот факт, что любая система знаков (семиотический код) переносится материальным носителем, который имеет свои собственные принципы структуры". Более того, некоторые медиа опираются на несколько взаимодействующих знаковых систем: телевидение и кино, например, используют вербальные, визуальные, слуховые и локомоторные знаки. Медиум не является "нейтральным"; каждый медиум имеет свои возможности и ограничения, и, как отмечает Умберто Эко, каждый из них уже "заряжен культурной знаковостью". Материальное выражение текста всегда значимо; это отдельно изменяемая семиотическая характеристика.

Формальная модель лингвистической знаковой системы Соссюра не предполагает прямых ссылок на реальность за пределами знака. Это не отрицание внеязыковой реальности, а отражение его понимания собственной задачи как лингвиста. Соссюр признает, что в большинстве научных дисциплин "объекты исследования даны заранее" и существуют независимо от "точки зрения" наблюдателя. Однако он подчеркивает, что в лингвистике, напротив, "именно точка зрения создает объект". Легко понять, как это может быть раскритиковано как идеалистическая позиция. Для реалиста известное существует заранее, оно полностью независимо от знающего и ни в коей мере не зависит от разума. Однако, согласно соссюровской модели, хотя лингвистические знаковые системы являются ментальными конструктами, они также социально сконструированы - интерсубъективно, а не чисто субъективно. Согласно позиции социального конструирования, лингвистические категории и знаки отражают не объективный мир, а "способ видения" нашей культуры. В отличие от номенклатурщиков, для которых вещи в мире заранее заданы и просто обозначены языком, соссюрианские принципы утверждают несущественную природу объектов.

В модели знака Пирса явно присутствует референт - нечто, находящееся за пределами знака, к которому относится знаковый аппарат (хотя и не обязательно материальная вещь). Однако в ней также присутствует интерпретант, что приводит к "бесконечной серии" знаков. В любом случае, для Пирса реальность может быть познана только через знаки. Он утверждает, что, с точки зрения логики, знаковость может быть только частичной, иначе знак уничтожит себя, став идентичным своему объекту.

В качестве иллюстрации ко многим уже рассмотренным нами семиотическим концепциям можно вспомнить рассказ Борхеса "Тлён, Укбар, Орбис Терциус"[\[14\]](#). Рассказ начинается с описания энциклопедической статьи о загадочной стране, Укбар, которая является первым свидетельством существования говора группы интеллектуалов создать вымышленный мир, Тлён, в котором действуют особые метафизические и физические

законы и развивается действие легенд и сказаний Укбара. С течением времени рассказчику встречаются всё более существенные артефакты Тлёна, а в конце Земля становится Тлёном. Так знаки захватывают пространство и начинают подменять реальность.

Спектр на рисунке — это упрощенная схематизация философских взглядов на "реальность", которая может служить напоминанием о том, что мы не всегда говорим об одном и том же, когда ссылаемся на "мир". Три изображенные позиции выдвигают на передний план соответственно (слева направо) физическую, социальную и психологическую реальность, хотя они не разделимы.

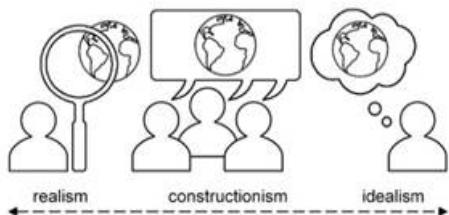

Рисунок 4. Реализм vs идеализм

Ирландский философ Джордж Беркли^[15] стал знаменитым сторонником "субъективного идеализма", утверждая, что не существует независимых от разума вещей ("быть – значит быть воспринимаемым"). Его современник, английский писатель Сэмюэл Джонсон, в ответ на это якобы пнул камень, заявив: "Я опровергаю это так". Напоминает дзен-буддистские коаны, когда в ответ на особо хитрый вопрос о природе сознания учитель отвешивает подзатыльник ученику.

Американский лингвист Рэй Джекендофф^[16] утверждает, что языковые ссылки относятся не к независимо существующей реальности, а к нашему собственному представлению об этом мире, которое является "результатом взаимодействия между внешними данными и средствами, доступными для их внутреннего представления". Такой акцент на психологической реальности (или феноменальном мире) называется конструктивистским. Более социально ориентированная позиция конструктивизма подчеркивает роль языка и других семиотических систем в "социальном конструировании реальности". То, что мы коллективно признаем в дискурсе, является для нас реальностью.

Если для психолога Уильяма Джеймса^[17] "первостепенной реальностью" является сенсорно воспринимаемый физический мир, то социолог Альфред Шюц^[18] настаивает на том, что мы живем прежде всего в символической, интерсубъективной реальности: не частной, а социальной - "мире нашего общего опыта". Без такой интерсубъективности, поддерживаемой, в частности, языком, мы никогда не могли бы "иметь в виду одно и то же". Социальный мир встроен в материальный мир, но наше понимание реальности является продуктом общих способов описания и классификации. Никто не сомневается, что существует физическая среда, независимая от нас, но эта среда в той мере, в какой она является контекстом дискурса, сама в значительной степени "сконструирована". Культурные реалии, в которых мы живем, отражены в специфических для данной культуры "народных теориях" - само собой разумеющихся схемах, которые структурируют "области опыта".

Как отмечает философ Уильям Маршалл Урбан^[19], "ни одно из понятий "независимость сознания" или "зависимость сознания" не имеет, как понятие, никакого смысла без другого", добавляя, что "коммуникация предполагает как идеализм, так и реализм". Два

полюса, вокруг которых всегда вращались вопросы реализма и идеализма, — это материя и разум". Мы можем избежать дуализма субъект-объект и разум-материя без редуктивной ассилияции одного полюса в другой. Пирс, который называл свою позицию "объективным идеализмом", может рассматриваться как сочетание аспектов как реализма, так и идеализма. Действительно, один философ утверждает, что "ни одна здравая философия никогда не была исключительно той или другой". Хотя Пирс признает реальность вещей и событий, которые "не зависят от причуд меня и вас", в его социальной теории реальности именно согласие составляет реальность.

Соссюр [\[8\]](#), несомненно, согласился бы с этим. Однако нереферентная знаковая система, рассматриваемая отдельно от социального контекста использования, поднимает метафизический вопрос о связи языка и мира (или мира знаков). Великие основатели аналитической философии - Фреге, Карнап, Витгенштейн и Рассел - поставили вопрос "Как язык "подключается" к миру?" в самый центр философии". Но это уже другая история.

Хотя Соссюр [\[8\]](#) настаивает на взаимозависимости означающего и означаемого - и на том, что одно предшествует другому или имеет приоритет над ним - теоретики структурализма и постструктуралаизма отвергли или проигнорировали его позицию, или приняли его термины, но не его модель, утверждая вместо этого "примат означающего". Многие постулируют полное разделение означающего и означаемого (что не имеет смысла в рамках Соссюра). В деконструктивистском дискурсе "пустой" или "плавающий означающий" определяется как означающее с неопределенным, очень изменчивым, неопределенным или несуществующим означаемым. Такие сигнификаты означают разные вещи для разных людей: они могут означать множество или даже любое означаемое; они могут означать все, что хотят их собеседники. В не соссюровском состоянии радикального разрыва между означающим и означаемым, "знак" означает только то, что он означает.

"Плавающий означающий" упоминается в 1950 году в работе Леви-Страсса [\[20\]](#) "Введение в работы Марселя Мосса". Для Леви-Страсса такой означающий подобен алгебраическому символу, который не имеет имманентного символического значения, но может представлять что угодно. Первое явное упоминание "пустого означающего" принадлежит Ролану Барту [\[21\]](#) в эссе "Миф сегодня". Барт определяет пустой означающий как тот, у которого нет определенного означаемого. Он также говорит о нелингвистических знаках как о настолько открытых для интерпретации, что они представляют собой "плавающую цепь означаемых".

В то время как Соссюр считает, что означающее и означаемое (какими бы произвольными ни были их отношения) неразделимы, как две стороны листа бумаги, постструктуралсты отвергли то, что они считали полностью стабильными отношениями, заложенными в его модели.

Жак Деррида ссылается на "игру" или "свободную игру" сигнификатов: они не фиксированы на своих означаемых, но указывают за пределы себя на другие сигнификаты в "неопределенном направлении означающего к означаемому". Философ стремился "деконструировать" западные метафизические системы, отрицая существование каких-либо конечных определяемых значений. Деррида ввел термин *diffrance*, чтобы намекнуть на то, что значение бесконечно откладывается. Он утверждает, что знаки всегда "отсылают" к другим знакам, и не существует окончательного "трансцендентного означаемого", независимого от языка,

предлагающего иллюзорное завершение значения и "обнадеживающий конец отсылки от знака к знаку".

Деррида заявил, что "*il n'y a pas de hors-texte*", что переводится как идеалистическое заявление о том, что "нет никакого внешнего текста" (*there is no outside text*). Для материалистов-марксистов и реалистов семиотический идеализм неприемлем: "нельзя допустить, чтобы знаки поглощали своих референтов в бесконечной цепи означивания, в которой один знак всегда указывает на другой, и круг никогда не разрывается вторжением того, к чему отсылает знак". Однако акцент на неизбежности знаковости не обязательно должен означать отрижение какой-либо "внешней реальности".

В духе романтической тоски по неопосредованному миру Жан Бодрийяр интерпретирует многие репрезентации как средство сокрытия отсутствия реальности; он называет такие репрезентации "симулякрами" (или копиями копии без оригиналов). Он видит дегенеративную эволюцию способов репрезентации, в ходе которой знаки все больше теряют смысл:

Таковы последовательные фазы образа:

- Он является отражением базовой реальности.
- Он маскирует и извращает базовую реальность.
- Он маскирует отсутствие основной реальности.
- Он не имеет никакого отношения ни к какой реальности: он сам является чистым симулякром.

Бодрийяр предполагает, что, когда возникли речь и письмо, знаки были придуманы, чтобы указывать на материальную или социальную реальность, - референтная связь, которая с тех пор все больше разрушается. С индустриализацией, когда появились реклама, пропаганда и коммодификация, знак стал скрывать "основную реальность". В постмодернистскую эпоху гиперреальности, когда то, что в средствах коммуникации является лишь иллюзией, кажется вполне реальным, знаки скрывают "отсутствие реальности" и лишь кажутся чем-то означающим.

Для Бодрийяра [22] симулякры, знаки, характеризующие поздний капитализм, существуют в трех формах: подделка (имитация), когда все еще существует прямая связь между знаками и референтами; производство (иллюзия), когда существует косвенная связь; и симуляция (подделка), когда знаки находятся в отношении только к другим знакам, а не к какой-либо фиксированной внешней реальности. Утверждение Бодрийяра о том, что войны в Персидском заливе никогда не было, безусловно, провокационно, и вряд ли удивительно, что пренебрежительный ярлык семиологического "идеалиста", который он применяет к Соссюру, был применен и к нему. Опасность радикального эпистемологического релятивизма стала слишком очевидной, когда, столкнувшись с неудобной правдой, старший помощник 45-го президента США - Дональда Трампа - заявил, что существуют "альтернативные факты".

Такие перспективы, конечно же, поднимают фундаментальный вопрос: "Что такое "реальность"? То, что мир, в котором мы живем, является социальной конструкцией, не делает его менее реальным для нас. Субъективные (или интерсубъективные) реалии могут быть такими же мощными, как и физические. Продукты социального конструирования имеют значение. Как заметил американский социолог Уильям Томас, "если [мы] определяем ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям"

(так называемая "теорема Томаса"). Таким образом, реальность и истину можно рассматривать как конструирование перспективы. Это не отрицание "внешней реальности", если мы утверждаем, что большая часть наших знаний о мире является косвенной; мы воспринимаем многие вещи в основном (или даже исключительно) так, как они представлены нам в наших средствах массовой информации и коммуникационных технологиях.

Библиография

1. Платон. Кратил // Собрание сочинений в четырёх томах / Общая редакция А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. Автор вступительной статьи и статей в примечаниях А. Ф. Лосев. — М.: Мысль, 1990. — Т. 1. — С. 613—681. — (Философское наследие). — ISBN 5-244-00451-4.
2. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Минск: Литература, 1998. С. 1064 – 1112.
3. Августин Аврелий. О Троице: в пятнадцати книгах против ариан / перевод, вступительная статья и примечания А.А.Ташиана. – Краснодар: Глагол, 2004.
4. Чарльз Пирс – “Что такое знак?”
<https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/phil/07/image/07-088.pdf>
5. Umberto Eco – A Theory of Semiotics <https://www.amazon.com/Theory-Semiotics-Advances/dp/0253202175>
6. Умберто Эко. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Перев. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. — СПб.: «Симпозиум», 2007. — 502 с.
7. Фердинанд де Соссюр – “Курс общей лингвистики”-
<http://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/speckurs/saussure1.pdf>
8. Cercle Ferdinand de Saussure – швейцарское общество изучения Фердинанда де Соссюра <https://www.cercleferdinanddesaussure.org/>
9. Чилингарян К.П., Чистяков Д.И. (2024). Знак и семиотика//Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. вып. 4 (64)
10. Gombrich E. (1960) Art and Illusion. A Study in the Psychology of Pictorial Representation. London: Phaidon Press.
11. Lyons, John (1977). Semantics, 2 vols. London and New York: Cambridge University Press.
12. Круткин В. Л. Пьер Бурдье: фотография как средство и индекс социальной интеграции // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2006. №3.
13. Жак Деррида-“Письмо и различие” <https://www.labirint.ru/books/322277/>
14. Борхес Хорхе. Тлён, Укбар, Orbis tertius. Издательский дом: Северо-Запад. 1992
15. Berkeley, George (1734). A Treatise Concerning the Principles of Human Knowledge. Scolar Press.
16. Джекендофф, Рэй (1976). Семантика и познание. Кембридж, Массачусетс: Издательство MIT Press. стр. 283. ISBN 0-262-10027-4.
17. William James. (1890). The Principles of Psychology, 2 vols., Dover Publications 1950, vol. 1: ISBN 0-486-20381-6, vol. 2: ISBN 0-486-20382-4
18. Schutz, Alfred (1972). "Collected Papers I". Phaenomenologica. doi:10.1007/978-94-010-2851-6. ISBN 978-90-247-3046-9. ISSN 0079-1350.
19. Wilbur Marshall Urban (2002). Valuation: Its Nature and Laws, Wilbur Marshall Urban, ISBN 041527897X, 9780415278973, Psychology Press.
20. Клод Леви-Стросс, Введение в работы Марселя Мосса. Лондон: Routledge, 1987
21. Ролан Барт – “Мифологии” <https://www.labirint.ru/books/433738/>
22. Жан Бодрийяр – “Симулякры и симуляция” <https://www.labirint.ru/books/610575/>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рецензируемой статья является «история развития и современное состояние теории референции, которое отражает разнообразие подходов и концепций. Некоторые исследователи считают, что референция является чисто семантическим явлением, другие подчеркивают важность контекста и прагматики для понимания референциальности». Считаю, что предмет соотносится с одной из рубрик издания, тема, на мой взгляд, актуальна. Как отмечает автор, актуальность исследования также обусловлена необходимостью «систематического анализа развития теории референции, которая является одной из ключевых проблем в философии языка и семиотике, а также тем, что теория референции и проблематика взаимоотношения знаков играет важную роль в понимании процессов коммуникации и возможностей познания в современном обществе», ибо теория референции позволяет анализировать, как мы «используем знаки для обозначения объектов и явлений реального мира». Методы исследования соотносятся с достижениями науки последних лет. Материал, который выбран для оценки нетривиален, собственно это и придает работе необходимую научную новизну: материалом исследования послужили работы Платон. Кратил, Умберто Эко, Gombrich E. (1960), Lyons, John (1977), Круткин В. Л. (2006), Жак Деррида, Борхес Хорхе (1992), Клод Леви-Стросс (1987). Стиль исследования соотносится с собственно научным типом: например, «С точки зрения отношения между знаковым средством и референтом, традиционное дуалистическое различие между "конвенциональными знаками" (именами, которые мы даем людям и вещам) и "естественными знаками" восходит к Древней Греции (Платон "Кратил") [1]. Аристотель [2] рассматривает слова как прототипические примеры условных знаков. Августин Аврелий [3] в 397 году н.э. отличает "естественные знаки" (*signa naturalia*) от обычных знаков (*signa data*, "данные знаки") на том основании, что естественные знаки лишены интенциональности и интерпретируются как знаки в силу непосредственной связи с тем, что они обозначают (он приводит в пример дым, указывающий на огонь, и следы, указывающие на то, что мимо прошло животное). И "естественные", и "конвенциональные" знаки фигурируют в трехсторонней классификации Чарльза Пирса [4]» и т.д. Цитации / ссылки даются в обозначенном режиме. Основные положения, которые манифестируются по ходу статьи, соотносится с положениями-оригиналами. Работа имеет системный характер, серьезные фактические нарушения не выявлены. Аналитическая составляющая транслируется по ходу всей работы: например, «Как уже отмечалось, Соссюр рассматривает и означающее, и означаемое как нематериальные, психологические формы; сам язык — это форма, а не субстанция. Для подтверждения своей точки зрения он использует несколько примеров. Например, в одной из нескольких шахматных аналогий он отмечает, что использование шахматных фигур из слоновой кости вместо деревянных никак не влияет на систему. Аналогично, он спрашивает, почему улица, которая полностью перестроена, может оставаться "той же самой улицей". Соссюр предполагает, что это происходит потому, что улица не является чисто материальной вещью, хотя он настаивает на том, что это не означает, что такие сущности "абстрактны", поскольку мы не можем представить себе улицу или поезд вне их материальной реализации» и т.д. Считаю, что статья оригинальна, информативна, содержательна; материал можно использовать при изучении дисциплин гуманитарного цикла. Цель работы достигнута, вариатив заключения сделан. Рекомендую статью «Проблематика теории референции

знаков в современной лингвистике» к публикации в научном журнале «Litera».